

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК 93/94+398.8

UDC 93/94+398.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

Народные песни синьцзянских торгутов в записи Ц.-Д. Номинханова (1935 г.): специфика источника

*Эльза Петровна Бакаева*¹

Folk Songs of the Torguts of Xinjiang Recorded by Ts.-D. Nominkhanov (1935): Specifics of the Source

*Elza P. Bakaeva*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

0000-0002-5188-1202. E-mail: [ebakaeva\[at\]yandex.ru](mailto:ebakaeva[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© KalmSC RAS, 2025

© Бакаева Э. П., 2025

© Bakaeva E. P., 2025

Аннотация. *Введение.* В архиве Калмыцкого научного центра РАН хранится рукопись востоковеда Ц.-Д. Номинханова «Калмыцкие народные песни», которая включает тексты, записанные им с 1927 г. до 1962 г. среди разных этнических групп. *Цель* статьи — дать характеристику песен синьцзянских торгутов из этого сборника как источника. Статья является продолжением двух других статей, где рассматриваются записи песен донских и большедербетовских калмыков (1927 г.). *Результаты.* Всего Ц.-Д. Номинханов записал 10 песен карашарских торгутов. Песни зафиксированы от торгута — студента Среднеазиатского университета Дусяна и включены в рукопись, озаглавленную «Калмыцкие народные песни», что отражает особенность научной и творческой биографии ученого, а также мнение Ц.-Д. Номинханова о единстве культуры синьцзянских торгутов и калмыков. Все песни записаны в первый

Abstract. *Introduction.* The archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS contains the manuscript of the orientalist Ts.-D. Nominkhanov, named “Kalmyk Folk Songs”, including texts recorded by him among different ethnic groups from 1927 to 1962. The *purpose* of the article is to characterize the songs of the Xinjiang Torguts from this collection as a source. The article is a continuation of two other articles, which consider the recordings of songs of the Don and Boshederbet Kalmyks (1927). *Results.* Ts.-D. Nominkhanov recorded 10 songs of the Karashar Torguts. The songs were recorded from Dusyan who was the Torgut and the student of the Central Asian University. All songs are included into the manuscript entitled “Kalmyk Folk Songs”, which reflects the peculiarity of the scientific and creative biography of the scientist, as well as the opinion of Ts.-D. Nominkhanov on the unity of the culture of Xinjiang Torguts and Kalmyks. The songs were recorded in the first month

месяц работы ученого в Ташкенте, где он работал в Среднеазиатском университете три года, что можно объяснить не только занятостью преподавателя, но и особенностями социальной среды студентов из Китая. Записи песен торгутов Синьцзяна не содержат религиозных и исторических песен, нет песен, посвященных знатым лицам. Большая часть песен — лирические. Но в записях все же прослеживаются особенности ситуации в Синьцзяне в начале 1930-х гг.

Ключевые слова: Церен-Дорджи Номинханов, фольклорные материалы, калмыки, ойраты, Научный архив Калмыцкого научного центра РАН

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект «Архив востоковеда Ц.-Д. Номинханова: каталогизация, исследование (к 125-летию со дня рождения)» (№ 24-28-01746, <https://rscf.ru/project/24-28-01746/>).

Для цитирования: Бакаева Э. П. Народные песни синьцзянских торгутов в записи Ц.-Д. Номинханова (1935 г.): специфика источника // Монголоведение. 2025. Т. 17. № 1. С. 95–117. DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

of the scientist's work in Tashkent, where he worked at the Central Asian University for three years, which can be explained not only by the teacher's employment, but also by the peculiarities of the social environment among students from China. Recordings of songs of Xinjiang Torguts do not contain religious and historical songs, there are no songs dedicated to noble persons. Most of the songs are lyrical. But the records still show the peculiarity of the situation in Xinjiang in the early 1930s.

Keywords: Tseren-Dordzhi Nominkhanov, folklore materials, Kalmyks, Oirats, Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-01746 “Archive of Orientalist Ts.-D. Nominkhanov: Cataloguing, Research (for the 125th Anniversary of the Scientist)”. Available at: <https://rscf.ru/en/project/24-28-01746/>

For citation: Bakaeva E. P. Folk Songs of the Torguts of Xinjiang Recorded by Ts.-D. Nominkhanov (1935): Specifics of the Source. *Mongolian Studies (Elista)*. 2025; 17(1): 95–117. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2025-1-95-117

1. Введение

В архиве Калмыцкого научного центра РАН хранится рукопись «Калмыцкие народные песни» [НА КалмНЦ РАН.Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. 82 л.], включающая тексты 150 песен, которые записал Церен-Дорджи Номинханов с 1927 г. до 1962 г. у представителей разных этнических групп калмыков и торгутов Синьцзяна. Наиболее ранние записи 1927 г., сделанные ученым у уроженцев станицы Граббевской и большедербетовских калмыков, анализируются в отдельных статьях [Бакаева 2025а; Бакаева 2025б], в которых показано, что эти песни составляют уникальный фонд и иллюстрируют приведенные в эпиграфе рукописи слова о том, что песня — это история народа. В целом среди записей 1927 г. представлены песни разных жанров, доминирующим принципом стихосложения в текстах является параллелизм, в начальной части большинства песен говорится о коне — спутнике кочевника. Большую и важную часть занимают исторические песни, в которых значима тема военных доблестей и защиты Родины, говорится о событиях и героях Отечественной войны 1812 г. и Первой мировой войны. Точная фиксация текстов позволила сохранить в песнях имена представителей высших слоев общества: нойонов С. Тюменя, Д. Тундутова, донского атамана М. И. Платова, У. Гахаева, Джалцан-нойона, зайсанга Д.-Д. Кутузова, нойона Данзана (Тундутова), память о скоропостижной кончине М. М. Гахаева. Для калмыцких песен 20-х гг. XX в. характерны традиционные мотивы и образы,

одновременно прослеживается формирование советского фольклора: уникальна имеющая биографический характер песня об А. М. Амур-Санане. Песни бытового характера в записях 1927 г. многочисленны, что также отражает состояние общества в переломную эпоху, когда социальные потрясения неизбежно влияли и на фольклорную традицию, при этом для собирателя являлось важным зафиксировать старинные песни, а для информантов — отразить собственное отношение к событиям, отраженным в песнях.

Цель данной статьи — дать характеристику фольклорных материалов, записанных Ц.-Д. Номинхановым в 1935 г. в г. Ташкенте Узбекской ССР у торговцев, проживавших «в Хара-Шаре и Эрян-Хабирга в Синьцзянской провинции Китайской Народной республики» [НА КалмНЦ РАН.Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 71], и определить особенности источника, специфику этого цикла в аспекте исторических условий. В отдельной статье планируется проанализировать песни, записанные Ц.-Д. Номинхановым в 1962 г. у уроженца станицы Денисовской Санжи Ивановича Манжикова [НА КалмНЦ РАН.Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 22–50].

2. Песни синьцзянских торговцев, записанные в 1935 г. в Ташкенте

2.1. Причины, по которым песни торговцев Синьцзяна были включены Ц.-Д. Номинхановым в сборник калмыцких песен

Ц.-Д. Номинханов специально не дает обоснования включения песен синьцзянских торговцев в рукописный сборник, названный им «Калмыцкие народные песни». Исходя из того факта, что ученый собирал фольклор у разных этнических групп и тщательно фиксировал источники, можно сделать вывод о том, что Ц.-Д. Номинханов, обобщая в 1962 г. записи разных лет и переписывая их в единую рукопись, неизбежно столкнулся с тем фактом, что в 1927 г., когда он собирал «ранние» (для его научной деятельности, начавшейся с 1924 г.) записи народных песен, он не побывал в районах расселения калмыков-торговцев. Среди калмыков ученым были охвачены группы калмыков-дербетов, расселявшихся в Большедербетовском улусе (до 1920 г. входившем в Ставропольскую губернию и потому в рукописи названных им «ставропольскими»), в также донские калмыки, в состав которых вошли этнические группы калмыков-дербетов и калмыков-торговцев, перекочевавших на территорию Области Войска Донского. Среди калмыков-торговцев им специально не проводились полевые исследования.

В 1927 г. Ц.-Д. Номинханов являлся студентом Ленинградского восточного института и находился в Калмыкии на каникулах. После этого периода, за все время с 1927 г. по 1960 г., он проработал в Калмыкии целый год только в 1930–1931 учебном году, позже обучался в Москве в аспирантуре; работал в Ташкенте в Среднеазиатском государственном университете, затем в Узбекском филиале Академии наук; начал работать ученым секретарем Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории¹ (далее — КНИИЯЛИ) в 1943 г., но 28 декабря того же года вместе со всем калмыцким народом был депортирован в Сибирь; в 1950-х гг., переехав из Красноярского края в Казахскую ССР, работал там в университете и Академии наук и только в 1961 г. прибыл на работу в Элисту [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3;

¹ Калмыцкий НИИЯЛИ (ныне — Калмыцкий научный центр РАН) открыт в соответствии с постановлением СНК Калмыцкой АССР от 31 мая 1941 г. После восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. институт был открыт вновь, но историю отсчитывает от 1941 г.

Бакаева, Номинханов 2024]. В период его работы в 1930–1931 гг. в Калмыцком педагогическом техникуме это учреждение находилось в г. Астрахани. Ц.-Д. Номинханов занимался научной и преподавательской, методической работой [Бакаева, Номинханов 2025], что не способствовало сбору калмыцкого фольклора. В 1943 г. Ц.-Д. Номинханов проработал в КНИИЯЛИ всего около полугода. Как сообщал ученый позже в официальном письме на имя министра образования СССР, в 1943 г. он был мобилизован ЦК Компартии Узбекистана в помощь освобожденным от оккупационных войск территориям и направлен из филиала Академии наук Узбекской ССР в распоряжение Калмыцкого обкома, где его назначили ученым секретарем научно-исследовательского института [ЛА. Оп. 1. Д. 50. Документ 11]. Точные даты узнаем из командировочного удостоверения, сохранившегося в его личном архиве, где имеется отметка, что удостоверение было выдано 12 мая 1943 г. (фото 1а), на обороте приписка: «выдана командировочная карточка 17 мая 1943 г.» (фото 1б). Среди отметок об убытии и прибытии: убыл «с 25 апреля по 20 мая», прибыл в г. Астрахань 03 июня 1943 г. [ЛА. Оп. 1. Д. 56. Документ 6]. В тот же день Ц.-Д. Номинханову было выдано удостоверение о том, что он является ученым секретарем КНИИЯЛИ [ЛА. Оп. 1. Д. 56. Документ 7] (фото 2). В этой должности ученый проработал всего полгода, находясь в г. Астрахани, а 28 декабря 1943 г. он был депортирован вместе со всем калмыцким народом.

Таким образом, научная деятельность востоковеда в 1930–1950-е гг. в основном была связана с другими регионами, и практической возможности дополнить «ранние» записи в период до 1960 г., когда он вновь начал работать в восстановленном КНИИЯЛИ, не имелось.

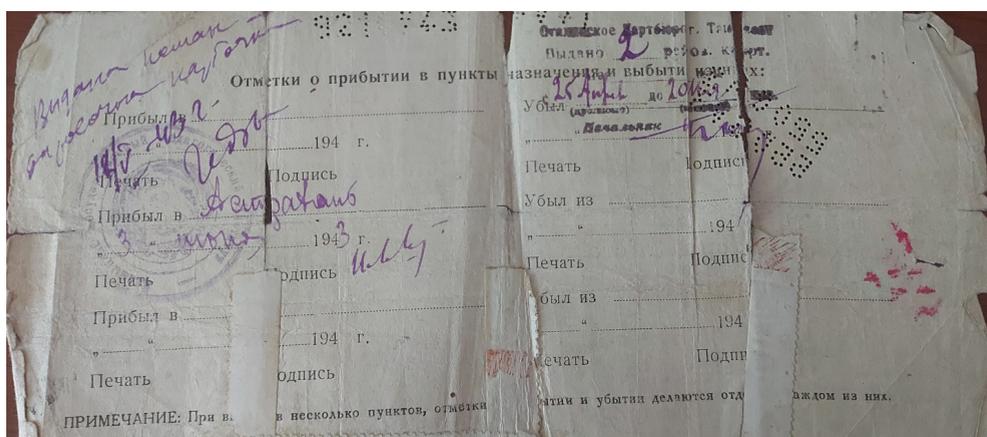
В 1962 г. с 31 мая по 18 июня [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 22а] Ц.-Д. Номинхановым были зафиксированы 67 песен у донского калмыка С. И. Манжикова, но запись проводилась в г. Элисте. Вполне вероятно, что эта работа проводилась ученым целенаправленно, когда он дополнял материалы «ранних» записей калмыцкого фольклора, сделанных им в 1927 г. Но времени у него было крайне мало, он проводил большую исследовательскую и организационную работу в КНИИЯЛИ, где работал¹ заведующим сектором языка, заместителем директора института по научной работе [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3], вел переписку с коллегами, обсуждая задачи и структуру, перспективы развития института [ЛА. Оп. 1. Д. 26, 27, 29], организацию полевых исследований, запрашивая образцы документации: на май 1962 г. планировалось проведение первой после открытия в 1957 г. КНИИЯЛИ комплексной полевой экспедиции по сбору фольклорных, этнографических, диалектологических материалов². Кроме того, в республике в 1962 г. проводилась подготовка к выборам

¹ Ц.-Д. Номинханов начал работать в КНИИЯЛИ уже во второй половине 1960 г., но сначала в удаленном режиме, еще оставаясь в г. Алма-Ате в связи с тяжелой болезнью супруги Т. И. Номинхановой (Лазаревой). Так, в личном архиве ученого сохранилась выписка из приказа КНИИЯЛИ от 01.12.1960 о разрешении Ц.-Д. Номинханову работать в Алма-Ате по плановой теме сроком на 2 месяца в связи с болезнью жены [ЛА. Оп. 1. Д. 50. Документ № 22]. Вскоре он переехал в г. Элисту, где сначала являлся заведующим отделом, затем — заместителем директора по науке [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3].

² Так, в личном архиве Ц.-Д. Номинханова сохранился черновик письма (апрель 1962 г.) ученому секретарю Института языкознания АН Казахской ССР Н. Б. Карашевой,

а)

б)

Фото 1. Командировочное удостоверение Ц.-Д. Номинханова, направленного в распоряжение Калмыцкого обкома, выданное Центральным Комитетом КП(б) Узбекистана в 1943 г. [Л.А. Оп. 1. Д. 56. Документ 6]
 [Photo 1. Travel certificate of Ts.-D. Nominkhanov, sent to the disposal of the Kalmyk Regional Committee, issued by the Central Committee of the Communist Party of Uzbekistan in 1943]

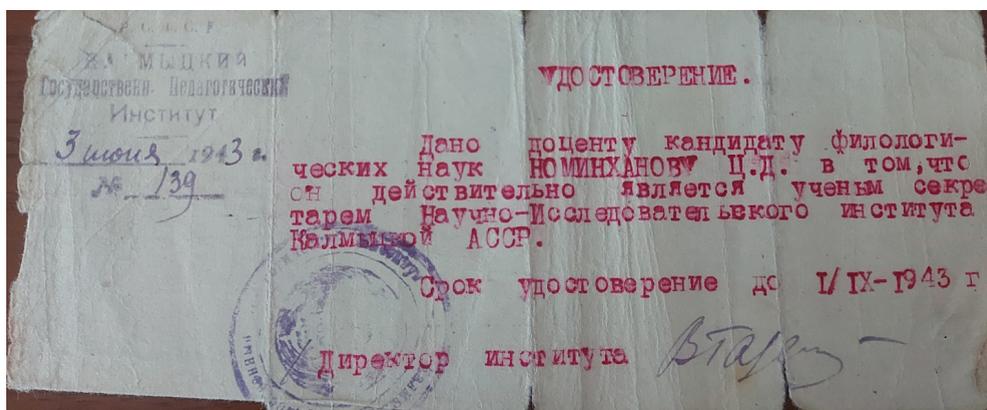

Фото 2. Удостоверение, выданное КНИИЯЛИ Ц.-Д. Номинханову в 1943 г. [Л.А. Оп. 1. Д. 56. Документ 7]
 [Photo 2. Certificate issued by the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History to Ts.-D. Nominkhanov in 1943]

в Верховный Совет Калмыцкой АССР, и Ц.-Д. Номинханов являлся кандидатом в депутаты: об этом свидетельствует такой документ из его личного архива, как речь перед избирателями, выдвинувшими его кандидатуру в депутаты Верховного Совета, в которой ученый среди других задач ставит следующую: «*Моя задача, как заместителя директора по научной части, всемерно способствовать выполнению научных исследований учеными института на высоком теоретическом уровне*» [ЛА. Оп. 1. Д. 32. Л. 4]. В 1962 г. ученый также подготовил текст докторской диссертации (вероятно, что имелся один рукописный экземпляр, так как в тексте было много знаков, отсутствующих в печатных машинках; об этом свидетельствует история с поисками текста диссертации), который был передан им на отзыв в 1963 г. проф. Джалилю Гиниятовичу Киекбаеву во время конференции в Ташкенте и затем в течение длительного времени разыскивался автором, писавшим письма и телеграммы (Д. Г. Киекбаеву пришлось срочно уехать, и текст он передал через коллег; в результате состоялась волнительная переписка, текст диссертации искали в Институте языкознания в г. Ташкенте¹) [ЛА. Оп. 1. Д. 50. Документы № 26–29]. Вышеизложенное свидетельствует о том, что задача провести дополнительный сбор материалов именно в 1962 г.

в котором он обращается с просьбой о содействии в организации экспедиции КНИИЯЛИ, которую ему поручили провести. Как начальник экспедиции, которая планируется в мае-июне для сбора диалектологического, фольклорного и этнографического материала, Ц.-Д. Номинханов просит Н. Б. Карашеву прислать образцы бланков вопросников и обращается с просьбой сходить в институт истории (АН Казахской ССР), чтобы взять там вопросник по этнографии. В письме Ц.-Д. Номинханов отмечает, что это важная проблема, так как экспедиция проводится впервые, поднимает вопрос о существовании расценок за оплату в экспедиции и т. п. [ЛА. Оп. 1. Д. 50. Документ 51].

¹ Личный архив. Оп. 1. Д. 50.

Документ № 26. Письмо проф. Дж. Г. Киекбаева (г. Уфа) Ц.-Д. Номинханову от 24.06.1963 (в дате исправления, не ясно, может и ноябрь, и февраль также). 1 л. Обращается «*Многоуважаемый Сурен Доржиевич*». Пишет о том, что в Ташкенте пролистал диссертацию, но из гостиницы срочно выселили из-за съезда женщин, и ему пришлось срочно уехать. Для составления отзыва нужно оглавление. Просит прислать оглавление диссертации. Делает замечания по фонетической части. На письме карандашом Ц.-Д. Номинханов написал: «*Отправил ответ 28.11.63*».

Документ № 27. Письмо проф. Дж. Г. Киекбаева Ц.-Д. Номинханову от 09.12.1963. Сообщает, что у него диссертации Ц.-Д. Номинханова нет, он передал ее в машине, уезжая, Якубу Гулямову для передачи Ф. Х. Абдуллаеву. Предполагает, что диссертация находится у Я. Гулямова, предупреждает, что в Уфу нет смысла приезжать за диссертацией, так как она в Ташкенте, дает адрес Я. Гулямова. Сообщает, что по этому адресу он выслал телеграмму и письмо Ц.-Д. Номинханова.

Документ № 28. Письмо Ф. Х. Абдуллаева Ц.-Д. Номинханову от 16.10.1963. Сообщает, что диссертации в Ташкенте в институте ни у кого нет, а Дж. Г. Киекбаев просит прислать оглавление для отзыва. Но обещает, что приложит все усилия, чтобы найти диссертацию. Это ответ одновременно на телеграмму и письмо Ц.-Д. Номинханова — запросы о диссертации. Просит незамедлительно сообщить, если станет известна судьба диссертации.

Документ № 29. Письмо, отпечатанное на бланке для срочной телеграммы от Фаттаха, 1964 г. Сообщает, что диссертация не обнаружена, Джалил оставил Муждабаеву, тот принес в институт и сдал Б. Д. Джураеву (заместителю директора), а он не знает, кому отдал. Поиски продолжаются, Фаттах обращает внимание, что нельзя так беспечно доверять людям.

для Ц.-Д. Номинханова была неосуществима, хотя именно в том году под его непосредственным руководством готовилась экспедиция по сбору и фольклорных материалов.

Таким образом, в 1962 г., когда Ц.-Д. Номинханов составлял рукопись «Калмыцкие народные песни», ученый не имел возможности дополнить имеющиеся материалы, специально отправившись в районы проживания калмыков-торгутов, по причине загруженности научной, организационной и общественной работой. Но у него хранились записи, сделанные у торгутов Синьцзяна в 1935 г. в Ташкенте, где ученый преподавал в Среднеазиатском государственном университете (САГУ).

Ц.-Д. Номинханов, обучавшийся в аспирантуре Института языкознания, затем московского Института востоковедения с 1931 г. по начало 1935 г., с февраля 1935 г. по апрель 1938 г. являлся преподавателем монгольского языка в Среднеазиатском государственном университете (САГУ) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 22. Л. 3], обучал синьцзянских студентов, преподавал среди других предметов и ойратскую (старокалмыцкую) письменность «ясное письмо» («тодо бичиг»). Для студентов САГУ им были подготовлены «Учебная грамматика монгольского языка (фонетика и морфология)» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 10], «Учебник русского языка для студентов-монголов Административно-правового факультета САГУ» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11], «Хрестоматия по русскому языку» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12]. Он изучал общее наследие калмыков и торгутов Синьцзяна, которые являлись потомками откочевавших в 1771 г. «на Алтай» калмыков.

Объединяя в одну рукопись, в название которой включил определение «калмыцкие», фольклорные материалы не только донских и ставропольских калмыков, но и торгутов Синьцзяна, исследователь исходил из факта единого происхождения этнических групп.

Решение было концептуальным. Ц.-Д. Номинханов считал торгутов Синьцзяна частью калмыцкого народа, что связано с историческим фактом: в 1771 г. часть калмыков (торгутские этнические группы) откочевали в Центральную Азию, где их стали называть «старыми» и «новыми» торгутами, тогда как оставшиеся в Северном Прикаспии постепенно приняли новое самоназвание «калмыки», и этот процесс активно происходил именно в XVIII в. [Бакунин 1995: 22¹; Бакаева 2010].

В 1960-е гг. Ц.-Д. Номинханов поднимал вопрос о необходимости экспедиций в Синьцзян-Уйгурский Автономный район КНР для сбора материалов среди ойратов, культура которых, как считал ученый, имеет единые корни с калмыцкой. В этом он убедился, контактируя с синьцзянскими торгутами в Ташкенте в 1930-е гг., затем в период его работы в Академии наук Казахской ССР (приходилось контактировать с коллегами из Китая и представителями ойратов), а также во время научной командировки в КНР в 1958 г. Ц.-Д. Номинханов сразу после восстановления автономии Калмыкии стал заниматься планами

¹ Как отмечал В. М. Бакунин в работе 1761 г., в то время хошуты и зенгорцы не называли себя калмыками, по-прежнему именуя себя ойратами, а торгуты называли всех калмыками, но указывали, что это название «не свойственно их языку» [Бакунин 1995: 22]. Судьба распорядилась так, что ушедшие торгуты остались приверженными старому этнониму, а оставшееся население, в том числе и группы, почти не применявшие термин «калмык», постепенно приняли новое самоназвание — «калмыки».

научных исследований, а начав работать в КНИИЯЛИ, высказывал мнение о настоятельной необходимости комплексного изучения культуры калмыков и ойратов с организацией экспедиций. Так, в личном (домашнем) архиве ученого сохранились копии писем [ЛА. 1. Оп. 1. Д. 28], которые были подготовлены для направления Президенту АН СССР А. Н. Несмеянову (являлся президентом АН в 1951–1961 гг.) Советом министров Калмыцкой АССР и обкомом КПСС по вопросу о включении в план экспедиций 1961 г. комплексной экспедиции к синьзянским монголам КНР в составе 1 этнографа, 1 фольклориста, 1 историка из Калмыцкой АССР и 1 научного руководителя — научного сотрудника АН СССР. Перед экспедицией предлагалось проставить следующие задачи: изучение в этнографическом и языковом отношении синьзянских монголов; сличение некоторых исторических документов; поиски вариантов «Джангара» и других эпических произведений калмыков и ойратов; сбор экспонатов для республиканского краеведческого музея в связи с крайним дефицитом экспонатов, представляющих материальную культуру калмыков: *«все, что было калмыцкое, национальное, собранное в Калмыцком музее, во время Отечественной войны было разграблено, уничтожено фашистскими оккупантами»* [ЛА. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 1]. Во втором варианте проекта письма, подписанном в сентябре 1960 г. Ц.-Д. Номинхановым, указывалось большее число специалистов для экспедиции: 2 этнографа, 2 лингвиста, 1 фольклорист, 1 историк и 1 научный руководитель из Академии наук СССР. Поскольку на других экземплярах нет подписи Ц.-Д. Номинханова и даты, а также уменьшено число участников экспедиции, можно предположить, что первоначально автором предлагался более широкий круг участников экспедиции, затем их число было уменьшено и подготовлен вариант для обкома и Совета министров Калмыцкой АССР, который далее рассматривался как проект письма в Академию наук. Таким образом, Ц.-Д. Номинханов считал культуру калмыков и синьзянских торгутов единой, а не просто родственной, об этом свидетельствует не только включение 10 песен в калмыцкий сборник, но даже и предложение комплектовать краеведческий музей экспонатами — предметами материальной культуры, собранными среди синьзянских торгутов.

2.2. Место записи и информант

В рукописном сборнике Ц.-Д. Номинханова песни торгутов представлены всего 10 текстами, записанными им в г. Ташкенте у Дусяна, имя которого указано под каждой из песен с отметкой «*торhd*» или «*торhod йастан*». Запись проводилась 24 марта (песни № 4, 6–10), 30 марта (№ 1, 2, 5), 9 апреля (№ 3) 1935 г. В рукописи нет других сведений о Дусяне. Но в личном (домашнем) архиве ученого имеются две фотографии Дусяна, сделанные в Ташкенте в 1936 г. Первая фотография наклеена на последний лист альбома, в котором Ц.-Д. Номинханов поместил фотографии, сделанные во время посещения им и академиком АН Казахской ССР С. К. Кенесбаевым Китайской Народной Республики в 1958 г. Все снимки в альбоме относятся к 1958 г., а под последним рукой Ц.-Д. Номинханова написано: «*Студент Адм.-прав. факультета Средне Азиат. госуд. университета Дусян, монгол из Синьцзяня КНР. 30.03.1936. г. Ташкент*» (см. фото 3). Дусян запечатлен читающим книгу за письменным столом в кабинете, перед ним расположены стопка книг, глобус и графин с водой. На студенте белая рубашка и наброшенный на плечи темный пиджак. Образ Дусяна на этом

снимке соответствует образу прилежного студента, все время отдающего учебе [ЛА. Оп. 2. Д. 2. Л. 23].

В отличие от фото, на котором изображен Дусян, вторая фотография, датированная 1936 г. (фото 4), просто была вложена в альбом с памятными снимками 1958 г. На ней, судя по карандашной надписи на обороте (почерк Ц.-Д. Номинханова; см. фото 5), запечатлены два студента этого же Административно-правового факультета САГУ: «*Дусян – Церен Студенты САГУ Ташкент Пушкинская 17-15. 30 марта 36 г.*». Примечательно, что с краю, неровно в три строчки, сделана надпись ручкой с синими чернилами: «*На память Номинханову Славы*». Неуверенность этого почерка, ошибка в правописании позволяют предположить, что надпись ручкой была сделана одним из студентов, Дусяном или Цереном, изучавшим русский язык и кириллическую русскую письменность. Фотография была предназначена младшему сыну Ц.-Д. Номинханова Дениславу, 1926 г. р., который в учился в школе (в личном архиве отца сохранились датированные 1936 г. его контрольные работы [ЛА. Оп. 1. Д. 70], младшему сыну, видимо, уделялось особое внимание, что объясняет появление «дарственной» надписи на фото).

Надпись «*Пушкинская 17–15*», видимо, относится к адресу университета. В 1935 г. главный корпус располагался в старинном здании в центре Ташкента, построенном в 1875 г. по проекту архитектора Янчевского [*Ташкентский государственный*]. Улица Пушкинская (до 1899 г. — Лагерный проспект, с 2008 г. — проспект Мустакиллик (Независимости)) — улица в центре Ташкента. Ныне на пр. Мустакиллик располагается ряд вузов, в том числе здание Ташкентского государственного юридического университета, основанного в 1991 г. на базе юридического факультета Ташкентского государственного университета, который с 1923 г. до 1960 г. назывался Среднеазиатским государственным университетом. В 1935 г. главное здание САГУ явно выделялось среди застройки центра города (см. фото 6).

Таким образом, можно заключить, что фото студентов Административно-правового факультета САГУ было сделано в университете, в его главном здании, где тогда и располагался факультет. На фотографии оба синьцзянских студента одеты официально и скромно, в белые рубашки с накинутыми на плечи темными пиджаками; Церен сидит за столом с раскрытой книгой, а Дусян стоит с инструментом типа 4-струнной мандолины, как бы собираясь сыграть мелодию. В отличие от своего товарища Дусян на обеих фотографиях не смотрит в кадр, опустив глаза. Указанные снимки из коллекции Ц.-Д. Номинханова позволяют воссоздать образ Дусяна, от которого были записаны все 10 торгутских песен в 1935 г.

Обращает на себя внимание тот факт, что, работая в САГУ в течение нескольких лет с торгутами Синьцзяна, Ц.-Д. Номинханов записал у них песни только в течение трех дней в 1935 г., примерно на втором месяце своей работы в этом университете. Почему ученый, имевший в своем архиве замечательные записи калмыцких песен, сделанные им в 1927 г., не оставил другие записи песен синьцзянских торгутов, и почему среди информантов числится только один, хотя в САГУ, судя по подготовленным Ц.-Д. Номинхановым учебным пособиям, была группа студентов — вопросы, на которые возможно ответить, лишь привлекая данные об особенностях ситуации в Синьцзяне в 1930-е гг. и об обстановке в студенческой среде прибывших из Китая.

Фото 3. Дусян — студент Административно-правового факультета
Среднеазиатского государственного университета. 1936 г. г. Ташкент

[ЛА. Оп. 2. Д. 2. Л. 23]

[Photo 3. Dusyan, a student at the Faculty of Administrative Law at the Central Asian
State University. 1936, Tashkent]

Фото 4. Дусян и Церен — студенты Административно-правового факультета
Среднеазиатского государственного университета. 30 марта 1936 г. г. Ташкент

[ЛА. Оп. 2. Д. 2. Л. 23а]

[Photo 4. Dusyan and Tseren, a students of the Faculty of Administration and Law at the
Central Asian State University. March 30, 1936, Tashkent]

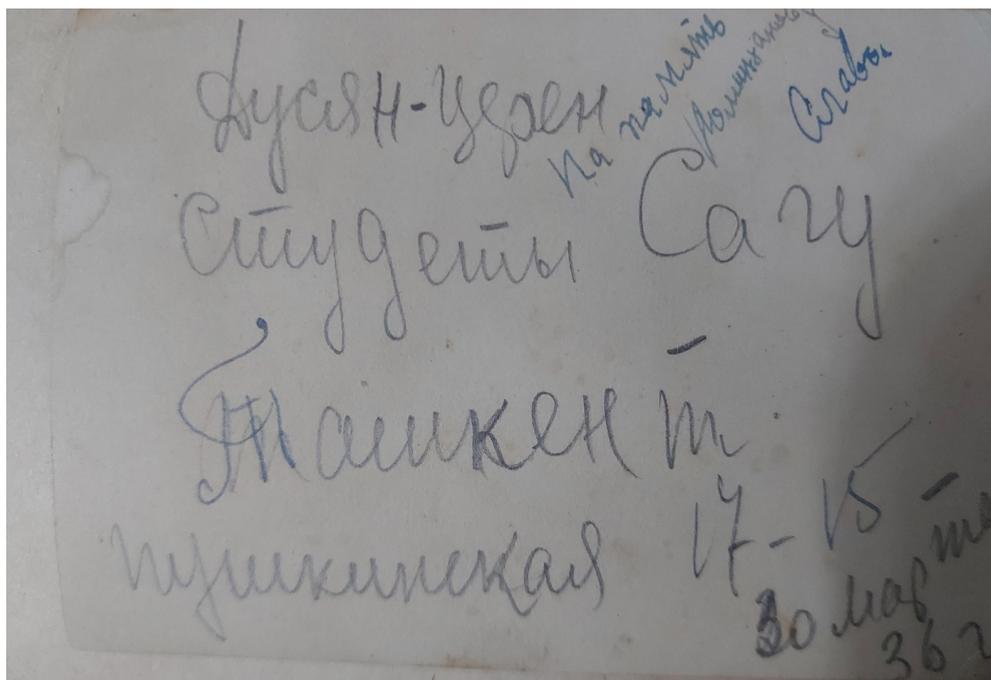

Фото 5. Надписи на обороте фотографии, на которой изображены студенты Дусян и Церен [ЛА. Оп. 2. Д. 2. Л. 23а]
[Photo 5. Inscriptions on the back of a photograph depicting students Dusyan and Tseren]

Фото 6. Главное здание САГУ. 1935 г. Автор фото неизвестен.
Фото с сайта <https://russiainphoto.ru/photos/25977/>, проект «МАММ/МДФ» (Мультимедиа арт музей, Москва / Московский дом фотографии)
[Photo 6. The main building of SAGU. 1935. The author of the photo is unknown]

Прежде всего следует отметить, что Дусян и Церен явно выделялись в группе, об этом свидетельствует дарственная подпись на фотографии этих студентов, предназначенной 10-летнему сыну Ц.-Д. Номинханова, с которым, видимо, они общались. В условиях Ташкента, где коренное население являлось тюркоязычным, общение на родном языке (а язык синьцзянских торгутов и калмыцкий язык практически едины) было настоятельной потребностью, и они могли общаться с детьми преподавателя, одновременно изучая русский язык, необходимый для учебы. То, что Дусян на одном из снимков стоит с музыкальным инструментом, свидетельствует о его музыкальных способностях и умении аккомпанировать себе, что имело значение для исполнения песен.

2.3 Ситуация в Синьцзяне в начале 1930-х гг. и направление студентов на учебу в Советский Союз

В Синьцзяне, откуда были направлены в Ташкент на учебу ойратские (торгутские) представители, начало 1930-х гг. было особым временем. В этот период здесь вспыхнуло восстание, а СССР, влияние которого в Синьцзяне в 1930-е гг. было значительным, оказывал помощь местным властям: *«События начала 30-х годов XX в. показали, что СССР обладал в Синьцзяне более прочными позициями по сравнению с другими государствами, а советские лидеры лучше знали тамошнюю обстановку, чем их зарубежные оппоненты, имели поддержку среди различных социальных слоев и национально-этнических групп, населяющих провинцию, проводили достаточно продуманную, последовательную и гибкую политику, ловко достигая желаемого результата. Имея реальные возможности для отделения Синьцзяна от Китая с последующим присоединением этой территории к своим владениям, Советский Союз выступал за восстановление и сохранение власти Китая над Синьцзяном и способствовал модернизации этого региона, что отвечало интересам как Китайского государства, так и многонационального населения Синьцзяна»* [Клинов 2018: 135]. В. А. Бармин приводит данные документов, свидетельствующие о значительном влиянии СССР на политику в Синьцзяне в это время и сложном выборе, который стоял перед советским руководством во время вспыхнувшего в Синьцзяне повстанческого движения коренного населения, исповедовавшего ислам, которое было подавлено [Бармин 2016: 22–32]. Исследователи отмечают, что сложный характер процессов, происходивших в Синьцзяне в 1930-е гг., надолго исключил из научных исследований этот период истории Синьцзяна.

Известно, что китайские студенты обучались в СССР в 1920-х и 1930-х гг. в ряде высших учебных заведений, которые, как и другие вузы, где обучались посланцы других стран, были связаны с Коминтерном [Е Фань 2020: 24–92; Панин 2012: 4]: *«В 1920–1930-е гг. в Советском Союзе существовала целая сеть интернациональных школ, где проходили обучение китайские революционеры. Наиболее крупными учебными центрами являлись три вуза, находившиеся в Москве: Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) был открыт для китайцев в 1921–1928 гг. и в 1933–1936 гг., после чего был преобразован в Научно-исследовательский институт национально-колониальных проблем, существовавший до 1939 г., Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена — УТК, функционировавший в 1925–1930 гг. (в 1928 г. реорганизован в Коммунистический университет трудящихся Китая — КУТК), а также*

Международная ленинская школа (МЛШ, 1926–1938 гг.)» [Спичак 2010: 3]. Как показывают исследования, при отборе студентов учитывались многие принципы, в том числе и такие моменты как *«политический фактор, образовательный ценз, предпочтение пола, опыт партийной работы, состояние здоровья студентов, и т. д.»* [Чжан Юйсинь 2017: 71]. В работе Е Фань показана большая роль получивших образование в СССР для распространения идей марксизма-ленинизма в Китае [Е Фань 2020: 147–152] и политическая борьба студентов из Китая (представителей разных политических фракций, Гоминьдана и КПК), закончившаяся расколом, уходом из Университета трудящихся Китая гоминьдановских студентов и преобразованием его в Коммунистический университет трудящихся Китая, а также внутривнутриполитическая борьба между студентами-коммунистами [Е Фань 2020 64–88].

В середине 1930-х гг. в Синьцзяне к власти пришел Шэн Шицай, который рассчитывал на поддержку СССР и, пытаясь найти подходы к советскому правительству, вел речь о вступлении в коммунистическую партию и служении делу коммунизма; поэтому им на работу в Синьцзян были приглашены коммунисты, которые заняли ключевые посты. Так, начиная с 1935 г. в Синьцзяне активно работал на ответственных постах Юй Сюсун (известен под рядом партийных псевдонимов, таких как Шоу Сун, Нариманов, Ван Шоучэн; в Синьцзяне он женился на младшей сестре Шэн Шицай) [Сотникова 2019: 94, 96, 103], который был направлен туда Центральным комитетом КПК по просьбе дубаня¹ Синьцзяна Шэн Шицай в числе 25 коммунистов, получивших образование в СССР. Судьба Юй Сюсуна показывает², какую школу он прошел: соответственно все студенты, направлявшиеся в период его работы в Синьцзяне, должны были соответствовать строжайшим правилам, которые влияли на судьбу студентов из Китая.

¹ Дубань — высшее должностное лицо, выполняющее военно-административные функции, губернатор.

² Так, Юй Сюсун учился в КУТВ и УТК (являлся в период его учебы одним из руководителей студентов УТК), позже в Международной ленинской школе (МЛШ), уже в 1922 г. вступил в ряды РКБ(б) и являлся одним из организаторов Коммунистической партии Китая. Как пишет И. Н. Сотникова со ссылкой на слова супруги Юй Сюсуна, он входил в восьмерку боссов (чэньдусюистов), состоявшую из членов распущенной в 1926 г. «московской ячейки КПК»: *«это была оппозиционная организация в СССР... они провоцировали коммунистов и комсомольцев на взаимные нападки, взаимную подозрительность»* [Сотникова 2019: 97]. На судьбе китайских студентов, учившихся в СССР вместе с Юй Сюсуном, отразились как разрыв отношений между Гоминьданом и китайскими коммунистами после некоторого сближения, так и внутривнутрипартийная борьба в СССР (многие студенты университета УТК подверглись преследованиям за симпатии Л. Д. Троцкому), а также огульные обвинения в существовании некоего Цзянсу-Чжэсянского землячества. Юй Сюсун (Нариманов), прошедший «чистки», подвергшийся разным обвинениям, в июне 1932 г. был выдворен из Москвы на Дальний Восток, но продолжал в апелляциях в разные партийные комиссии писать о том, что все обвинения с него были сняты, просил прекратить преследования. В Синьцзяне ему недолго удалось спокойно поработать. Начались массовые политические репрессии в СССР, которые затронули и китайцев, обучавшихся в стране. В 1937 г. в Синьцзяне побывали бывшие оппоненты Юй Сюсуна по УТК и МЛШ, которые сообщили дубаню, что Юй Сюсун, проживавший под новым именем — лидер троцкизма. В результате опознания его арестовали и отправили в Москву, на суде признали причастным к правотроцкистскому контрреволюционному блоку и расстреляли [Сотникова 2019: 97–103].

И. Н. Сотникова приводит основанную на свидетельствах китайских студентов характеристику обстановки, которая царила в Университете трудящихся Китая: «УТК представлял собою китайское политическое общество в миниатюре. ... Вследствие довольно разношерстного состава УТК между студентами непрерывно шла борьба по политическим вопросам, наблюдалось противоборство амбиций за влияние на студенческие массы ... постоянно происходило объединение студентов в разные группы и их последующее разъединение. Распределение по учебным классам зависело и от длительности пребывания в КПК» [Сотникова 2019: 96]. Выпускники КУТВ и УТК в дальнейшем направляли на учебу в Советский Союз других китайских студентов, предъявляя к ним комплекс требований, на которых не мог не сказаться их собственный опыт.

Ойраты-студенты Среднеазиатского государственного университета, обучавшиеся в Советском Союзе по направлению китайских властей Синьцзяна, должны были пройти отбор для обучения учебы в другой стране. Синьцзянских торгутов на учебу в Среднеазиатский университет набирали такие, как Юй Сюсун, судьба которого, если о ней знали студенты, не могла не настораживать. Сложные события в Синьцзяне в начале 1930-х гг. также не могли не сказываться на обстановке среди студентов. Возможно, поэтому записи Ц.-Д. Номинхановым песен синьцзянских торгутов были ограничены краткими записями песен у Дусяна, хотя ученый продолжал обучать синьцзянских студентов до 1938 г.

2.4. Песни, записанные Ц.-Д. Номинхановым от Дусяна

В свете вышеприведенных сведений об обстановке среди китайских студентов, обучавшихся в СССР, примечательным является следующий факт. Хотя первые записи от Дусяна были сделаны Ц.-Д. Номинхановым 24 марта 1935 г., эти шесть песен были помещены в рукописи под № 4, 6–10. Две же из трех песен, записанных 30 марта, получили номера 1 и 2, и одна песня была записана в третий день записи, 9 апреля 1935 г.

Выбор нумерации для песен, вероятно, определен ученым, исходя из основной идеи сборника, отраженной в словах А. М. Горького, помещенных в эпиграфе: «Русская песня — русская история».

Песня № 1, как отмечает ученый в примечании, составлена в 1932 г. в Синьцзяне [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 74]. Последние ее строки свидетельствуют о новых веяниях в Синьцзяне, обусловленных сложной ситуацией в регионе: *Ботхон бөрвөтэ борыыг боһчаагин хаалһаар мегүүддэг. Больши угаадаан курвел боһшивиған орыйа!*¹ ‘Сизого коня с привязанными сосудами из кожи верблюжонка заставляли бежать с путами на ногах. Достигнув предела, когда невозможно ничего сделать, доберемся до своих большевиков’.

На первый взгляд, песня традиционна, она включает 17 куплетов, в большей части которых в первых двух строках упоминается конь (также есть упоминание маралов, бычков, телят) — в соответствии с приемом параллелизма, характерного для общемонгольской песенной поэзии. Упоминаются разные масти коней и их особенности: *мөңгөн тахта хэлун* ‘буланый с серебряными подковами’, *хурдун халтар* ‘быстрый гнедой с желтыми подпалинами’, *шиңген делтэ халтар* ‘гнедой с желтыми подпалинами с редкой гривой’, *ут делтэ кер* ‘гнедой с длинной гривой’, *гедгер халтар мөрн* ‘мухортый с выпяченной грудью’, *жэвиртэ хар*

¹ В цитатах из сборника сохранена орфография автора.

мөрн ‘вороной с крыльями’, тэвн толвота бор ‘сизый с пятьюдесятью крапинками’, эрдень туруута бор ‘сизый с драгоценными копытами’. Песня посвящена молодой женщине Каагын Джаве, характеризуемой как наивная (генен), молодая (нас бахта, уйхан (бах) бичкин), с прищуренными глазами (бургер нүдетэ), с глазами со складками века (хошта (зеегтэ) нүдетэ), о которой поется во второй половине куплетов: сначала ее заставляет бежать богатый мужчина (мөнгөтэ залуу орхулла), затем некий Джигмидин Бааста; переводит ей в новом месте гецуль Балдан; спрашивают ее некий начальник, затем глава местности в Или (Илийн шээнэр (дарһар) сурууллад); из-за нее спорят два рода (хойор эңгээрэн булаалдана), восемь сомонов (нээмен сумааран булаалдана), все люди (бүгдээр эмтен булаалдана), о ней говорят все люди (улус хамаг келнэ) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 73–74].

Необычно завершение последнего куплета — «Достигнув предела, доберемся до своих большевиков», оно отражает ситуацию начала 1930-х гг., когда Советский Союз имел огромное влияние в Синьцзяне, «провинции, оторванной от Центрального Китая, в которой находили прибежище эмигранты из советских среднеазиатских республик и Казахстана», и «обустроенной государственной границы между Синьцзяном и среднеазиатскими территориями СССР ... фактически не было» [Мильбах, Павлович 2018]. Такое необычное завершение фольклорного текста словно актуализировало традиционную лирическую песню, определяя ее временную привязку и отражая реалии жизни Синьцзяна, местности и этнические группы которого (Или, Баар, торгуты) упоминаются в песне, определяя территорию, где происходят события песни.

Понятен выбор собирателем первой песни для цикла песен торгутов Синьцзяна, так как эпиграфом к рукописи народных песен послужили слова о том, что песня — это история народа. Большая часть текстов, записанных от Дусяна, в основном имеет лирический характер, а первая отличается именно этим призывом к вынужденному уходу «к большевикам» в трудной жизненной ситуации.

Исполнитель песни Дусян обучался в Советском Союзе, где, несомненно, получал опыт знакомства с работой коммунистической партии большевиков. Одновременно информант являлся посланником Синьцзяна, где с 1930 г. заместителем губернатора, а с 1933 г. губернатором являлся Шэн Шицай, заключивший выгодные соглашения с СССР и даже желавший вступить в коммунистическую партию. Студенты, конечно, должны были быть благонадежными с точки зрения китайских властей, возможно, поэтому песни, записанные от Дусяна, не зафиксировали имен исторических персонажей, в том числе ойратской знати, и лишь две первые отчасти отражают события современного им Синьцзяна.

Песни торгутов Синьцзяна были записаны Ц.-Д. Номинхановым в период тесного сотрудничества СССР с синьцзянским правительством, поэтому вторая песня начинанется со слов о красном знамени, которое сияет перед владыкой: Эңке улаан тугнь эзень өмнө мандалдаг, эне төрэн төлөөд эзен мань зүткөв ‘Широкое красное знамя сияет перед владыкой, во имя этой страны наш владыка усердствует’, владыку же «снизу» поддерживает образованная знать, и как дорогой гнедой становится известным в Урумчи, так и знать становится известной урумчийскому довану (князю), пирует вместе с ним (Эзен мань дораас эрдэмтэ сээчүүд зүткөв, үн иктэ кеернь Урумчин хотод туурдаг, Урумчин хотын дованла үүрелжс суухад нээрелдег). Заслугой владыки и его приближенных является

расправа над врагами страны («разбойниками»), которые пробираются ползком, крадучись, протиснувшись, или же с тыла (*куукни шигээр ирегсен хүүхүүг, халчааһааһаар ирегсен хүүхүүг, хулхуһар ирегсен хүүхүүг, ардагур ирегсен хүүхүүг*). И этих «разбойников», пришедших через перевал, уничтожает «торгутское войско» (*тоңгроогаар (давахар) ирегсен хүүхүүг торхуд (ла) церег дардаг*), звучит призыв расправиться с врагами страны.

В песне № 2, посвященной победе над врагами, усердию в борьбе, прослеживается традиционный прием параллелизма: в тексте упоминаются «дорогой гнедой» (*ун иктэ кеер*), бурый лыско (*күрүң галзан*), быстрый белый конь (*хурдун цаһаан*), а также рыжий аргамак (*армаһ зеерд*), о котором говорится, что это высокий русский конь (*өндөр орс мөрн*). Но красной нитью в тексте песни прослеживается борьба с врагами, помощь стоящим на страже 3 600 солдатам во имя закона (*хуульдан күргэд дарла*) [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 75](#)].

Большая часть песен, записанных от Дусяна, относится к лирическим. В них поется о встречах в весеннее или летнее время двух людей, которые становятся одним целым (№ 3) [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 76](#)], о том, как стремится добраться до любимой тот, кто разлучен (№ 5): *амраг (ла) чамдаан күрнэ (ла) гихлэ, адһаад сууж болхош (ла) бишүү?* [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 77–78](#)], о матери, с которой никто не сравнится *эңкерелдегнь олон болвоциг ээжилэн эдль болхайу?*, *учирдагнь олон болвоциг ээжилэн эдль болхайу?* (№ 6) [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 78](#)]. Песни синьцзянских торгутов посвящены и воспеванию родной земли: поется о красоте местности Зулдус (№ 4): *жирһелтэ сээхен Зулдус* ‘счастливый красивый Зулдус’, *арһалта сээхен Зулдус* ‘красивый Зулдус, где водятся дикие бараны’ [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 76–77](#)], о путнике в далеких краях, вспоминающем родные места (№ 9): *Тохаатныынтан занданд тоһрун шовун цуһлардаг* ‘у сандалового дерева в Тохатн собираются журавли’, *Элсеетиинтен занданд элэ шовун цуһлардаг* ‘у сандалового дерева в песчаной местности собираются коршуны’ [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 81](#)].

Среди записей от Дусяна не зафиксированы песни, в которых упоминаются герои, знатные люди либо воины. Но в одной из песен содержится тема, позволяющая предположить, что речь идет об отправлении на военные действия: в песне № 8 говорится о женихе по имени Мандал Зоошол, который готовился к свадьбе, продавал в городе овец, переживал о том, испробовали ли табак из красивого кисета, подаренного им. Но далее говорится о несущемся на коне Мандал Зоошоле, у которого глубоко натянут головной убор, а из-под копыт коня его несется пыль, а у стариков одинокая слеза пробивается, — *өрээсен дөрэгэн дөрээлэд һарв* ‘уехал, вдев ногу в одно стремя’. Фольклорная формула *өрэсн дөрэ* ‘одно из пары стремян’ символизирует нарушение парного порядка, естественного порядка, что может объяснено быть как отправление в опасный поход. Но текст, завершающий эту песню, связан с лирическим содержанием первой части: тема похода не развита [[НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 80](#)].

Десять песен, записанных в 1935 г. Ц.-Д. Номинхановым от информанта-торгута из Синьцзяна, представляют пример народной песенной традиции этого народа. Как и в песнях калмыков, в них излюбленным приемом является параллелизм, и в каждом тексте с большой любовью упоминается спутник кочевника — его конь, даются его характеристики. Вместе с тем в этих песнях

не упоминаются народные герои или исторические события, нет и упоминаний о религии, о Тибете, хотя среди ойратов-торгутов Синьцзяна традиционно был распространен буддизм тибетского толка. Поэтому для характеристики песенной традиции торгутов Китая этого периода необходимо привлечь сравнительные материалы.

В 1935 г. Ц.-Д. Номинханов составил рукопись “Материалы по языку синьцзянских монголов (ойратов) КНР” [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9], а также подготовил пособие “Учебная грамматика монгольского языка (фонетика и морфология)”, которое было размножено для использования студентами в 1936 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 10]. Возможно, и подготовка этих рукописей также отразилась на том, что записи народных песен больше им не проводились.

3. Песни карашарских торгутов, записанные в начале 1930-х гг. и изданные принцессой Нирджидмой

Примечательно, что примерно в то же время, когда Ц.-Д. Номинхановым были записаны песни торгутов Синьцзяна, в Париже состоялось издание песен карашарских торгутов. Как отмечает Дж. Крюгер, песни были собраны принцессой Нирджидмой и транскрибированы госпожой Гумберт-Соваж [Krueger 1975: 216]. Уточняющие сведения приводит П. Э. Алексеева: в период учебы Нирджидмы в Бельгии состоялись ее встречи с калмыками, проживавшими в Париже, Белграде и Праге. Также в Париже 11 января 1934 г. состоялась ее встреча с представителями французского общества друзей Востока, на которой торгутская принцесса сделала сообщение о положении ойратов Синьцзяна и исполнила песни карашарских торгутов [Алексеева 2009: 12], эти песни были изданы в 1937 г. [Dix-huit chants 1937].

18 песен торгутов Синьцзяна, включенные Нирджидмой в издание, были распределены по 5 разделам, которые при публикации были названы «ностальгические» (две песни), «о любви» (девять песен), «застольные» (две песни), «эпические» (две песни), «волшебного содержания» (три песни) [Алексеева 2009: 14]. Однако такое деление довольно условно, так как не вполне отражает жанровую специфику текстов. Так, в первом разделе одна из песен в соответствии с монгольскими и ойратскими традициями посвящена воспеванию родины, находящейся далеко от путника, во второй говорится о возвращающемся из Тибета на родину — обе песни близки песням-восхвалениям. Во втором разделе выделяются песня № 3, в которой говорится об ожидании возвращения из похода парня по имени Тури Бенди, и песня № 11 (в оригинальном тексте № 13 [Krueger 1975: 222]), в которой поется об отправившихся в поход девяти братьях, один из которых, отстав от своих «кречетов», обращается к ним за поддержкой *zūin nutuq ece yisūülen yarlabiden yarlabiden / yisūn sobun ece yancaran xucurlabii xocurlabii / nacin gongxor axa mini namayan aburita aburita* [Krueger 1975: 222] — *Зун нутгас йисүлн харлавидн, харлавидн, / йисн шовунас ханцарн хоцрлав, хоцрлав, / начн шонхр ах мини, намахан аврита, аврита* [Алексеева 2009: 31]. Слова песни № 12 (в транскрипции № 13) (*шастр* ‘гимн’) имеют совпадение с калмыцкой песней гимнического характера, восхваляющей нойонов: *nurin dunduni nuysun cimeq / nutugin dunduni noyodudni mani / ülümji buyar übüzlüqsün / ünün ezen noyodudin dergedüüuluni / oradu üülüni cimiq / ulüsin dunda noyodudni mani* [Krueger 1975: 221–222] — *Нуурин дунднь нуһсн чимг, /*

Нутгин дунднь нойднь маань. / Үлмжэ буяр үвлзгсн / Үнн эзн нойдудын дергд. / Уулын орад уульн чимг, / Улс дунд нойдуднь маань [Алексеева 2009: 33]).

Так называемые эпические песни можно отнести к историческим. Первая из них посвящена народному герою, ойратскому князю Галдаме, образ которого воспет в песнях монгольских народов и зафиксирован в легендах и преданиях; текст песни типичен для песни-плача о Галдаме, погибшем в расцвете лет. Вторая песня посвящена Дамби Джалцану, который назван уважаемым; его активная деятельность пришлось на первые десятилетия XX в., и потому песня в публикации 1937 г. названа «современной эпической».

Три песни, отнесенные при публикации в 1937 г. к песням «волшебного содержания», — разные. Песня о Джангаре является его восхвалением-магталом. Магталом является и песня, в которой герой называется перерожденцем Ваджрасаттвы (*Кен гих кумбв, Базрасдын хувлһн*). Еще одна песня посвящена младшей сестре, которую увез помощник чиновника (*туслач*) по имени Замсаранг, т. е. она имеет лирический характер.

Таким образом, большая часть песен относится к лирическим (как разновидности бытовых песен). Выделяются среди записанных принцессой Нирджидмой песни-гимны и восхваления, что характерно для традиций монгольских народов. Две песни имеют исторический характер.

Потомок торгутских ханов, принцесса Нирджидма при встрече в 1933 г. с калмыками, оказавшимися в эмиграции в Европе, сделала сообщение о положении торгутов Синьцзяна, которое в переводе на русский язык было опубликовано в альманахе «Цаган өвсни дольган» («Ковыльные волны»). Как отмечает П. Э. Алексеева, «она рассказала о тихой и мирной жизни карашарских торгутов, никак не связанной с политическими и национальными вопросами» [Алексеева 2009: 10]: «...живем мы тихо и мирно, не обуреваемые какими-либо политическими, социальными или национальными страстями. Зависимость от Китая наш народ на себе мало ощущает, поэтому она не давит тяжелым молотом на народную психику и не вызывает никаких страстей» [Принцесса Нирджидма 1933: 4]. К недостаткам общественной жизни Нирджидма отнесла отсутствие школ и невозможность получения образования, отсутствие печати и соответственно издания литературы — «но именно поэтому у нас очень хорошее развитие получило устное народное творчество: песни, которые сочиняются почти каждым и по всякому поводу и потом любовно расппеваются всем народом, сказки, предания и легенды» [Принцесса Нирджидма 1933: 4–5].

Содержание песен, записанных Нирджидмой и изданных ею в 1937 г., свидетельствует о правоте ее мнения об особенностях положения ойратов. Как отмечала Нирджидма, традиционные ценности являлись весьма значимыми для ойратского общества того времени: «Вежливость, почитание старших, религиозность, уважение чужой собственности, стремление к установлению хороших отношений с близкими и ближними, готовность к взаимной поддержке, верность старым традициям, гостеприимство, неприятие преступлений — вот главные черты характера, присущие нашему народу» [Принцесса Нирджидма 1933: 5].

Из двух песен исторического характера одна относится к событиям XVII в., вторая — к началу XX в., но отражает появление в кочевьях торгутов бежавшего из Монголии Джа-ламы. Сопоставление содержания песен, записанных пример-

но в тот же период Ц.-Д. Номинхановым среди донских и большедербетовских калмыков [На КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–21, 51–70], показывает большую сохранность в калмыцкой песенной традиции памяти о конкретных военных действиях и народных героях, упоминание имен нойонов и зайсангов.

Записи песен, проведенные принцессой Нирджидмой, показывают, что зафиксированные Ц.-Д. Номинхановым в 1935 г. песни торгутов Синьцзяна отражают бытование песенной традиции у этой ойратской группы: для них также характерно большое внимание к лирической тематике. Но в песнях, записанных от студента Дусяна, отсутствуют религиозные песни и песни-восхваления знати, исторические песни, что отражает изменившиеся социально-политические условия в Синьцзяне, особенно повлиявшие на социальные позиции молодых студентов. Не исполнил информант Ц.-Д. Номинханова и песни о героях-богатырях — исторических личностях, подобные песне о Галдаме из репертуара Нирджидмы.

В «актуальных» на 1935 г. для синьцзянских студентов-торгутов песнях отражены новые социальные реалии, даже вывод о том, что в крайнем случае можно «идти к большевикам» (т. е. к советским коммунистам). Именно потому «актуальные» песни, записанные позже других, собирателем были поставлены первыми среди песен синьцзянских торгутов.

4. Заключение

Песни, записанные Ц.-Д. Номинхановым в 1935 г. у представителя синьцзянских торгутов — студента Среднеазиатского университета Дусяна, стали дополнением к рукописи ученого, озаглавленной «Калмыцкие народные песни», что отражает особенность научной и творческой биографии ученого, в Калмыкии работавшего в течение непродолжительных периодов (к моменту составления рукописи в 1962 г. — всего четыре года: 1930–1931 учебный год, несколько месяцев 1943 г., 1960–1962 гг.). У исследователя не было собственных записей песен, собранных среди калмыков-торгутов, но Ц.-Д. Номинханов, проработавший несколько лет с синьцзянскими торгутами, считал культуру ойратов Синьцзяна и калмыков единой. Это позволило ему включить 10 песен исполнителя Дусяна в свой рукописный сборник.

Несмотря на трехлетнюю работу в Среднеазиатском университете (1935–1938 гг.) и затем работу в Узбекском филиале Академии наук СССР (1940–1943) [На КалмНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Д. 63. Л. 3; Бакаева, Номинханов 2024], у Ц.-Д. Номинханова остались записи только 10 песен, проведенные в первый же месяц его работы в Ташкенте в САГУ. Вероятно, это было связано как с занятостью преподавателя, так и, — возможно в большей степени, — с особенностями социальной среды у студентов из Китая.

Записи песен торгутов Синьцзяна в сборнике Ц.-Д. Номинханова не содержат религиозных и исторических песен. Песни на религиозную тему были связаны с поклонением святыням, что противоречило активной антирелигиозной пропаганде, проводившейся в СССР в 1930-е гг., и идеологии, которой должны были соответствовать студенты, направлявшиеся в СССР из Китая. В исторических песнях часто упоминаются представители высшей знати, а в условиях изменившейся социально-политической обстановки в Синьцзяне, вероятно, прославление старой знати не приветствовалось в студенческой среде. Оставшиеся

зафиксированными от Дусяна песни относятся большей частью к лирическому поджанру. Но в первых песнях все же прослеживается особенность ситуации в Синьцзяне в начале 1930-х гг.

Доминирующим принципом стихосложения в рассмотренных текстах песен карашарских торгутов, как и в калмыцких песнях рассматриваемого сборника, является параллелизм, в начальной части большинства песен говорится о коне — спутнике кочевника. В отличие от калмыцких песен среди песен торгутов Синьцзяна Ц.-Д. Номинхановым зафиксированы в большей степени песни бытового характера. Однако следует учитывать специфику условий работы собирателя, определившую особенности источника.

На наш взгляд, можно предположить, что фотографии студентов Дусяна и Церена были сделаны 30 марта, но не в 1936 г., а в 1935 г. При оформлении же альбома через более чем 20 лет (после поездки в КНР в 1958 г.) Ц.-Д. Номинханов мог допустить ошибку в написании года. Исполнение Дусяном 30 марта 1935 г. песни № 1, в которой упоминаются большевики, и песни № 2, посвященной защите государства, — песен, соответствующих политической ситуации, вероятно, свидетельствует о том, что этот день был избран для важной миссии, в этот же день и могли быть сделаны фотографии, сохранившиеся в личном архиве ученого. В день официальной встречи Дусяна и Церена с Ц.-Д. Номинхановым, когда были сделаны фотографии, были записаны и две песни, которые связаны с политическими событиями в Синьцзяне.

Источники

ЛА — Личный архив Ц.-Д. Номинханова.
НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.

Sources

Personal Archive of Ts.-D. Nominkhanov.
Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Литература

Алексеева 2009 — Принцесса Нирдждидма и книга песен торгутов Китая / автор-составитель П. Э. Алексеева. Элиста: Джангар, 2009. 87 с.
Бакаева 2010 — Бакаева Э. П. Ойраты и калмыки. Ойрат-калмыки? (К вопросу о самоидентификации и самоназвании этноса) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 93–110.
Бакаева 2025а — Бакаева Э. П. Народные песни калмыков в записи Ц.-Д. Номинханова у уроженцев станицы Граббеvской (1927 г.) // Новый филологический вестник. 2025. № 1(73). С. 315–323. DOI: 0.54770/20729316-2025-1-315

References

Princess Nirdzhidma and the Book of Songs of the Torguts of China P. Alekseeva (author-comp). Elista: Dzhangar, 2009. 87 p. (In Russ.)
Bakaeva E. P. Oirats and Kalmyks. Oirat Kalmyks? (On the Question of Self-identification and Self-name of the Ethnic group). In: Problems of Ethnic History and Culture of the Turkic-Mongolian Peoples. No. 2. Elista: KIH RAS, 2010. Pp. 93–110. (In Russ.)
Bakaeva E. P. Kalmyks Folk Songs Recorded by Ts.-D. Nominkhanov among the Natives of Stanitsa Grabbevskaya (1927). *New Philological Bulletin*. 2025. No. 1(73). Pp. 315–323. DOI: 0.54770/20729316-2025-1-315 (In Russ.)

- Бакаева 2025б — *Бакаева Э. П.* Народные песни в записи Ц.-Д. Номинханова от большедербетовских калмыков // Новый филологический вестник. 2025. № 2(73). С. 366–376.
- Бакаева, Номинханов 2024 — *Бакаева Э. П., Номинханов С. А.* О малоизвестных страницах биографии Церен-Дорджи Номинханова: период становления, военной деятельности и учебы в институте (1918–1930-е гг.) // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 1. С. 64–93. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-64-93
- Бакаева, Номинханов 2025 — *Бакаева Э. П., Номинханов С. А.* Программы полевых исследований, подготовленные в Калмыцком педагогическом техникуме в 1931 году // Язык, фольклор, литература монгольских народов в контексте традиционной культуры: тезисы докладов Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию д-ра филол. наук Г. Ц. Пюрбеева (г. Элиста, 21 апреля 2025 г.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2025. С. 20–25.
- Бакунин 1995 — *Бакунин В. М.* Описание калмыцких народов, а особенно из них торгутского, и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Бармин 2016 — *Бармин В. А.* Роль внутривнутриполитического фактора в решении советского руководства об оказании помощи китайской администрации Синьцзяна в подавлении национального движения коренных народов провинции в 1931–1934 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 2. С. 27–32. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-03
- Е Фань 2020 — *Е Фань.* Кузница маршалов и революционеров. Подготовка военно-политических кадров для Китая в Советском Союзе. 1920–1930-е гг. М.: Весь Мир, 2020. 272 с.
- Bakaeva E. P. Kalmyks Folk Songs Recorded by Ts.-D. Nominkhanov among Bolshe-derbet Kalmyks. *New Philological Bulletin*. 2025. No. 2. Pp. 366–376. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Nominkhanov S. A. About the Little-Known Pages of the Biography of Tseren-Dordzhi Nominkhanov: the Period of Formation, Military Activity and Studies at the Institute (1918–1930s). *Mongolian Studies (Elista)*. 2024;16(1):64–93. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2024-1-64-93
- Bakaeva E. P., Nominkhanov S. A. Field Research Programs Prepared at the Kalmyk Pedagogical College in 1931. In: Language, Folklore, Literature of Mongolian Peoples in the Context of Traditional Culture: Abstracts of the International Scientific Conference Dedicated to the 85th Anniversary of Dr. Sc. (Philology) G. Ts. Purbeev (Elista, April 21, 2025). Elista: KalmSC RAS, 2025. Pp. 20–25. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, and Especially the Torgut people, and the Act of their Khans and Owners, composed by State Adviser Vasily Bakunin, 1761. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Barmin V. A. The Role of the Internal Political Factor in the Decision of the Soviet Readership to Assist the Chinese Administration of Xinjiang in Suppressing the National Movement of the Indigenous Peoples of the Province in 1931–1934. *News of Altai State University*. 2016. No. 2. Pp. 27–32. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-03
- Ye Fan. Forge of Marshals and Revolutionaries. Training of Military-Political Personnel for China in the Soviet Union. 1920–1930s. Moscow: Ves' Mir, 2020. 272 p. (In Russ.)

- Клинов 2018 — *Клинов А. С.* К вопросу о событиях в Синьцзяне в начале 1930-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль: всероссийский научный журнал. 2018. Т. 10. № 1. С. 124–137. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137
- Клинов A. S. On the Issue of Events in Xinjiang in the early 1930s. *Historical and Socio-Educational Thought: all-Russian Scientific Journal*. 2018. Vol. 10. No. 1. Pp. 124–137. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-1-124-137
- Мильбах, Павлович 2018 — *Мильбах В. С., Павлович С. Л.* 1937-й: тайный бросок в Синьцзян [электронный ресурс] // URL: <https://history.milportal.ru/1937-j-tajnyj-brosok-v-sinczyan/> (дата обращения: 03.02.2025).
- Milbach V. S., Pavlovich S. L. 1937: Secret Throw to Xinjiang. (In Russ.) Available at: <https://history.milportal.ru/1937-j-tajnyj-brosok-v-sinczyan/> (accessed: 03 February 2025)
- Панин 2012 — *Панин Е. В.* Создание и функционирование советских высших учебных заведений для национальных меньшинств: 1920–1930-е гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2012. 242 с.
- Panin E. V. Creation and Functioning of Soviet Higher Educational Institutions for National Minorities: 1920–1930s. Cand. Sc. (History) thesis. Moscow, 2012. 242 p. (In Russ.)
- Принцесса Нирджидма 1933 — *Принцесса Нирджидма Торгутская.* О современном положении торгутов Китая (перевод с калмыцкого) // Цаган өвсни дольган (= Ковыльные волны). 1933. № 7. С. 3–5.
- Princess Nirdzhidma de Torgut. About the Modern Position of the Torguts of China (translation from Kalmyk). *Tsagan ovsni dol'gan (Feather Grass Waves)*. 1933. No. 7. Pp. 3–5. (In Russ.)
- Сотникова 2019 — *Сотникова И. Н.* Из когорты первых: Юй Сюсун // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(2). С. 94–106.
- Sotnikova I. N. From the First Cohort: Yu Xiusun. *Problems of the Far East*. 2019. № 5(2). Pp. 94–106. (In Russ.)
- Спичак 2010 — *Спичак Д. А.* История подготовки кадров китайской компартии и Гоминьдана в московских учебных центрах Коминтерна: цели, методы, результаты (1921–1939 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2010. 261 с.
- Spichak D. A. History of Training Personnel of the Chinese Communist Party and the Kuomintang in Moscow Training Centers of the Comintern: goals, methods, results (1921–1939). Cand. Sc. (History) thesis. Moscow, 2010. 261 p. (In Russ.)
- Ташкентский государственный — Ташкентский государственный юридический университет [электронный ресурс] // URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Ташкентский_государственный_юридический_университет_3.jpg (дата обращения: 03.02.2025)
- Tashkent State Law University. Available at: https://en.m.wikipedia.org/wiki/File:Tashkent_State_Law_University_3.jpg (accessed: 03 February 2025) (In Russ.)
- Чжан Юйсинь 2017 — *Чжан Юйсинь.* Обучение китайских студентов в системе коммунистического образования в СССР (1921–1930 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2017. 299 с.
- Zhang Yuxin. Training of Chinese Students in the Communist Education System in the USSR (1921–1930). Cand. Sc. (History) thesis. Moscow, 2017. 299 p. (In Russ.)

- Dix-huit chants 1937 — Dix-huit chants et poèmes mongols, recueillis par La princesse Nirgidma de Torhout et transcrits par Madame Humbert-Sauvageot, Avec notations musicales, texte mongol, commentaires et traductions. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1937. 31+28 p. Bibliothèque musicale du Musée Guimet. 1-ère série. T. IV.
- Dix-huit Chants et Poèmes Mongols, recueillis par La Princesse Nirgidma de Torhout et Transcrits par Madame Humbert-Sauvageot, Avec Notations Musicales, Texte Mongol, Commentaires et Traductions. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1937. 31+28 p. Bibliothèque Musicale du Musée Guimet. 1-ère série. Vol. 4. (In French)
- Krueger 1975 — *Krueger J. R.* “Dix-huit chants et poèmes mongols” revisited // *Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines.* 1975. № 6. Pp. 215–229
- Krueger J. R.* “Dix-Huit Chants et Poèmes Mongols” Revisited. *Études Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines.* 1975. No. 6. Pp. 215–229. (In Eng.)